

Читаем и обсуждаем: Дарья Доцук, «Невидимый папа» (12+)

Женя никогда не видела родного отца и мечтает о встрече. Особенно с тех пор, как мама нашла себе этого нелепого Славку. И вдруг выясняется, что у Жени есть единокровный старший брат. Она забывает обо всем: об учебе, увлечениях и даже о лучшей подруге. Она теперь сестра! Осталось связаться с папой и тогда у Жени будет настоящая семья. Главное, чтобы мама ни о чем не узнала, а не то она быстро положит всем надеждам конец.

Дарья Доцук, интересный факт о книге:

«Повесть "Невидимый папа" во многом автобиографична. Мой родной отец так и остался для меня невидимкой. У меня два единокровных старших брата, но знакома я только с одним. И однажды мама прочитала мой тайный дневник».

Отрывки из книги и вопросы для обсуждения

Вопрос: Судя по названию, о чём, по-вашему, будет книга? Ответив на этот вопрос, прочитайте аннотацию и проверьте свою догадку.

Если папа позвонит

Женя и её лучшая подруга (тоже Женя) росли без отцов. Одна очень хочет найти своего папу, а другая наоборот.

— Неужели тебе совсем не интересно? — допытываюсь я.

По-моему, она лукавит, когда говорит, что ей всё равно, куда подевался её папа и почему. Про него нам почти ничего не известно: они с Женькиной мамой познакомились в институте, а потом он внезапно уехал, даже не дождался, пока Женька родится. У Женьки дома не принято о нём говорить, это вроде как неприлично, вот Женька и не спрашивает.

А я считаю, что это неправильно и несправедливо, когда человеку ничего не рассказывают о его родителе. Для меня это всё равно что чего-то не знать о самой себе. Ну как Женьке не интересно, от кого она произошла?

— От человекообразных приматов, — отвечает Женька на это.

— Некоторые своё генеалогическое древо до седьмого колена знают, а мы даже отцов никогда не видели.

— Ну и что? Бывает хуже. Некоторые с рождения круглые сироты.

Какое-то время мы молчим. Я слышу, как Женькино дыхание становится спокойнее и глубже, и немножко расталкиваю её локтем, чтобы не засыпала.

— И ты ни разу его не гуглила?

— М? — вздрагивает Женька. — А? Нет, не гуглила.

— Почему?

— Ну ты представь, сколько на свете Андреев Кимов, — зевает Женька. — Отчества мы не знаем. Что мне, каждому, кто подходит по возрасту, писать: «Здрасьте, а вы случайно не мой папа?» А даже если попадётся мой, так он вряд ли признается. До сих пор что-то не проявлялся.

Это Женька вслед за бабушкой повторяет.

— Может, он тоже сидит и гадает, какая именно Женя Ким его дочка?

— Нет, — отрезает Женька. — Он бы позвонил, у нас номер с тех пор не поменялся. Я ему просто не нужна, вот и всё.

Женька говорит это бесцветным голосом, без злобы и обиды. Как я говорю, что у меня аллергия на животных. Когда я кому-нибудь об этом рассказываю, меня сразу начинают жалеть: «И у тебя никогда не было собаки? И даже хомячка с попугайчиком?» Не было. Я даже в зоопарке сразу чихать начинаю. И не то чтобы я ужасно горюю по этому поводу, просто это непреложный факт. Вот и Женька ведёт себя так, словно у неё нет папы из-за какой-нибудь аллергии. Но папа — это ведь не попугайчик, это совсем другое.

Когда у тебя прочерк в графе «отец», ты вроде как не такой, как надо, неправильный, ненормальный. Половинчатый. Зачем его ставят, этот прочерк? Чтобы подчеркнуть, что у тебя вместо папы — пустота?

— А если он всё-таки позвонит? Вот что ты сделаешь? Что ты ему скажешь?

— О-ой... — Женька терпеть не может такие вопросы. — Ну позвонит, тогда и подумаю. Но что-то я себе слабо такое представляю.

— А ты выключи математика и включи художника — сразу всё представится, — ворчу я. — Давай, что тут сложного? Вот берёшь ты трубку, а там твой папа: «Алло, это Женя? Женя, это я, твой папа!» Что ты скажешь? Ну давай, это как диалоги на английском.

— Э-э...гм-м... Я, наверное, трубку положу.

— Серьёзно? Молча положишь трубку? — Мне этого совершенно не понять. Я-то жду такого звонка уже не первый год.

— Ну да. А что я ему скажу? Он же мне чужой человек. Скажу, что номером ошибся.

— Подожди, как это — чужой человек? — ужасаюсь я. — Он твой папа! Ты — это наполовину он.

— Ну да, — неуверенно соглашается Женька. — Мне передалась часть его генов, но...

— А если ему без тебя плохо и одиноко? Если он попал в беду — ослеп, например, или заболел, и о нём больше некому позаботиться, кроме тебя? Ты что же, его бросишь?

Женька хмыкает.

— Ну, уж об этом ему надо было раньше подумать. Если он порядочный человек, ему станет стыдно навязываться дочери, которой он никакого внимания не уделял и которую ни дня не воспитывал.

— Это твои мама с бабушкой так говорят? — догадываюсь я.

Женька сначала мнётся, а потом отвечает уверенно:

— А что? Я и сама так считаю.

— Но это же твой папа, — повторяю я.

— Да никакой он мне не папа! Я его в глаза не видела!

— Всё равно папа, — настаиваю. — Хоть и невидимый. (Гл. 2, стр. 14)

Вопросы:

1. Чья позиция кажется вам более справедливой по отношению к «невидимому папе» — Жени или её подруги, Жени Ким?
2. Как бы вы поступили в такой ситуации?

Мамин новый парень

Мама присаживается на край кровати и пытается пощекотать мне пятку. Я поджимаю ноги. Мне сейчас совершенно не до того, но маме, похоже, больше нечем заняться. И она начинает рассказывать про своего нового парня Славу.

Слава. Противное какое-то имя, скользкое. И, по-моему, слишком детское для взрослого человека. Вот как Никита. Сложно представить, что какого-нибудь взрослого и серьёзного дядечку зовут просто Никитой.

— С ним так интересно! Он вегетарианец, занимается йогой, несколько раз был в Индии и владеет службой доставки полезных продуктов, называется «Эвкалипт». Мы с девочками с работы пару раз оттуда заказывали. Представляешь, какое совпадение?

— Да уж, невероятно!

Мама показывает мне смазанную фотографию на телефоне. У Славы длинное, какое-то прямоугольное лицо, блондинистые вихры и глупая полуулыбка.

— Вот видишь, не зря сходила, — гордится мама. — Кстати, я ему про тебя много рассказывала, и он очень хочет с тобой познакомиться. Приглашает нас в своё любимое вегетарианское кафе на Патриарших.

— А он знает, что ты не вегетарианка? — уточняю.

— Это я пока не вегетарианка. Вообще-то, я уже давно подумываю отказаться от мяса, я же и так только рыбу и птицу ем, а мясо — о-очень редко, вот даже не вспомню, когда в последний раз.

— А борщ в холодильнике? — напоминаю я.

— Ну это же для вас с Женей! Я-то его не буду, — отмахивается мама.

— Понятно, — хмыкаю я.

Мама тот ещё хамелеон! На этих быстрых свиданиях ей кто только не попадает, и на каждого обязательно нужно произвести впечатление. Если она вдруг кому-то из «женихов» не приглянулась, то всю неделю ходит обиженная, словно ей нанесли страшное оскорбление. Некоторые мамы помешаны на диетах или, там, рукоделии, а моя — на том, чтобы всем вокруг нравиться. Вот и прикидывается: то она джаз любит, то футбол, то индийскую кухню, то современное искусство — лишь бы внимание обратили.

— Значит, ты у нас теперь вегетарианка, — вздыхаю я с укоризной.

— А что тут такого? Я же люблю овощи, и фасоль люблю, и тофу. Я, между прочим, человек, открытый к новым идеям и новому опыту. И вообще, хватит мать критиковать! Что ж такое!

— Ладно, только я в кафе не пойду.

— Почему?

— Потому что я не вегетарианка.

Мама смотрит на меня сердито. Я вижу, как у неё в глазах созревает недовольство.

— Очень зря, — сухо говорит она наконец и поднимается.

Вопросы:

1. Как Женя воспринимает новость о том, что у мамы новый парень?
2. Что можно сказать об отношениях Жени с мамой?

Мама рассказывает об отце

Я молча жую. Маму это раздражает. Не то, что я жую, а то, что молча. Она кладёт ложку и говорит:

— Слушай, Жень, ну прости, что мне одной тяжело. Иногда я уже с этим со всем не справляюсь. Мне же тоже хочется, чтобы меня кто-то пожалел, поддержал, понимаешь? Позаботился. Да вот хоть бы в кафе пригласил! Я же не виновата, что Востриков уехал.

Я продолжаю жевать. Это я уже много раз слышала. Востриков — это папа. Мама называет его только так, по фамилии. Из её уст это звучит как что-то гадкое и противное. Как «слизняк», например, или «кишечный грипп». Она даже немного морщится и кривит губы, когда произносит «Востриков».

Как только они развелись, мама тут же снова стала Касаткиной, и я заодно. Но я тогда ничего не решала, маленькая была. Иногда я примеряю на себя папину фамилию — Евгения Дмитриевна Вострикова, Женя Вострикова. Мне нравится! Весело звучит, задорно, шустро. Это вроде и я, и не я. Это какая-

то другая Женя, новая, интересная. Она живёт в одном из параллельных миров, где видится с папой каждый день.

— Ну что ты опять молчишь? — расстраивается мама. — То говоришь-говоришь, то вдруг язык проглотишь...

Когда мама грустнеет, мне её вроде жалко, но я ничего не могу с собой поделать и всё равно говорю какую-нибудь колкость. Вот и сейчас тоже.

— Там все такие были, как этот Слава? Получше никого не нашлось?

Мама напрягается. Видимо, он ей очень понравился. Это плохо.

— Что значит «такие»?

— Ну такие, нелепые.

Мама качает головой и снова принимается за еду:

— Ну всё, остановись.

Но я только начала. Я ещё много чего могу сказать!

— А что такого? Он же правда нелепый! У него даже лицо странное! Он что, по-твоему, симпатичный?

— Да при чём тут симпатичный или нет?

— Вот папа действительно симпатичный.

— Ну и что? Господи боже! Да пусть хоть красавец писанный, мы-то ему не нужны!

Пусть только попробует сказать, что папа мне чужой. А Славка не чужой, что ли? Почему ей обязательно искать кого-то на папино место? Пусть лучше будет прочерк. Неужели мы без Славки ну никак не проживём?

— Вострикову мы не нужны, ему вообще никто не нужен, — повторяет она, чтобы я хорошенько это запомнила. — Ты зря его идеализируешь. Если бы ты знала...

— В том-то и дело, что я ничего не знаю! — срываюсь я. — Ты мне ничего не рассказываешь! Про какого-то Славку рассказываешь, а про родного отца — нет!

— Я не рассказываю, потому что не хочу говорить о нём плохо. А хорошего в нём не так много, как тебе кажется. Ну да, симпатичный... Весёлый, общительный, не дурак. Но совершенно безалаберный! Рассеянный, ненадёжный, страшный эгоист! У него всегда на первом месте друзья и развлечения, а семья — где-то там, в конце списка! Вот это ты хочешь послушать?

Я сижу насупившись и вожу ложкой в тарелке. Варёная капуста. Терпеть её не могу.

Мама продолжает:

— И слава богу, что он уехал! Намучились бы сейчас. Он и первую семью бросил, ты не думай. Да-да, у него до меня была жена. И сын, Филипп. Хорошенький такой мальчишка. Востриков его как-то раз приводил знакомиться, но первая жена узнала и устроила скандал. Больше Востриков с

сыном не виделся. И, я тебе честно скажу, не то чтобы очень тосковал. Ну что ты так смотришь? Да, вот такой он, Востриков наш. И нечего удивляться.

Но я смотрю большими глазами не поэтому. Я потрясена другим: она сказала, у меня есть брат? Ведь получается, Филипп — мой старший брат! Мой. Старший. Брат. (Гл. 3, стр. 22)

Вопросы:

1. Часто ли с вами бывает такое, что вы не можете удержаться и говорите человеку какую-нибудь колкость? Как этого можно избежать?
2. Как вы думаете, почему мама говорит плохо о Женином отце? Права ли она? Как вам кажется, её слова соответствуют действительности?
3. Почему Женю не отпугивает мамина история об отце?

Старший брат

Полночи я изучаю страничку Филиппа — его оказалось совсем нетрудно найти, фамилия у него до сих пор папина. Красиво звучит — Филипп Востриков, как будто граф какой.

Я просматриваю все его фотографии, все видео, прослушиваю почти все песни и читаю «стену» за несколько прошлых лет. Но разве можно иначе, когда выясняется, что у тебя есть старший брат? Мне хочется знать о нём абсолютно всё.

Наутро я вскакиваю совершенно невыспавшаяся, умываюсь и без завтрака — сразу к Женьке. Мне не терпится ей рассказать.

Я уже, похоже, люблю его, моего старшего брата. И как можно говорить, что мы не родные, если я чувствую, вот всем сердцем чувствую это родство?

— Ну? — спрашиваю я у Женьки.

— Симпатичный, — признаёт она, и меня охватывает небывалое чувство гордости и торжества: это она про моего брата, это мой брат — симпатичный!

Мы знаем о нём немного, но всякая крупица информации кажется мне важной и существенной. Итак, нам известно, что ему пятнадцать, день рождения у него первого августа, учится в школе 1627. И живёт, скорее всего, где-то поблизости. Мы выясняем, что эта школа от нас далековато, чуть ли не на другом конце города, но расстояние меня не смущает — я тут же прикидываю, что на метро это всего одиннадцать остановок и даже без пересадки.

Слушает он в основном рок и блюз, я такую музыку не люблю, но, с другой стороны, может, я в ней просто не разбираюсь? Зато он тоже любит страшное кино! У него «Сияние» в любимых фильмах и сериал «Ходячие мертвецы». Про зомби мне, вообще-то, не нравится, но «Сияние» — это же классика! И это только начало, у нас наверняка обнаружится ещё много общего — недаром ведь мы брат и сестра.

— То есть ты хочешь ему написать? — почему-то удивляется Женька.

— Ну да! Он же мой брат.

Как непривычно и здорово звучит: «мой брат»! Охота повторять и повторять — сердце так и танцует.

— А он об этом знает? Вы же никогда не виделись.

— Ну и что? Вот и увидимся.

Мне не нравится то, каким тоном Женька произносит это — как будто сомневается, что Филипп, мой собственный брат, захочет со мной познакомиться. Он, как и я, единственный ребёнок в семье, и я ни за что не поверю, что он никогда не мечтал о брате или сестре. Я вот мечтала, и теперь у меня есть брат. А у него — сестра. Разве он может просто взять и отвернуться?

Но Женька никак не хочет разделить моего восторга. Ей кажется неудобным и странным писать вот так, с бухты-барухты, незнакомому человеку. Так и говорит: «незнакомому»! Мол, ты его совсем не знаешь, я бы на твоём месте ничего писать не стала.

— Да почему нет?

Я никак не могу понять: что тут такого?

— Ну-у... — тянет Женька, — у него своя жизнь, свои дела... Вдруг он тебе не понравится? Или сам не захочет отвечать, и тогда ты расстроишься... Вдруг вы очень разные? У вас ведь такая разница в возрасте...

Разница! Всего два года. Я уже закипаю от злости — ищет какие-то глупые причины. У меня брат есть, а она — «странно, неудобно». Как нарочно хочет обидеть и помешать. Я её даже не узнаю.

— Почему ты не можешь просто за меня порадоваться? — спрашиваю я холодно и встаю.

— Жень, да я рада, только...

В дверях я на мгновение оборачиваюсь, чтобы сказать напоследок:

— Ну и что, что разница в возрасте? На то он и старший брат, чтобы старше быть! И, знаешь, я ему всё равно напишу!

Так мы и расстаёмся. (Гл. 4, стр. 29)

Вопросы:

1. Как вы думаете, почему Жене так не терпится познакомиться с братом?
2. Стоит ли ей прислушаться к совету подруги?
3. Что бы вы посоветовали Жене в такой ситуации?
4. Как вы думаете, каким человеком окажется Филипп? Захочет ли он общаться с Женой?

Мам нужно беречь

Я лежу и думаю. О том, что я теперь сестра. И снова радуюсь и волнуюсь одновременно: как же здорово, что мы с Филиппом подружались. А ведь он мог мне не ответить. Или мне самой не хватило бы духу написать. Как хорошо всё

вышло. Может, однажды и мамы наши подружатся. Ну или хотя бы перестанут ненавидеть друг друга. Но Филипп прав, надо всё хорошенько продумать, нельзя просто взять и огорошить их. Он говорит: «У них какие-то свои заморочки, нам не понять». Вот уж точно, заморочки и есть. Иначе не скажешь.

Не понимаю, почему наши мамы всё это время ограждали нас друг от друга. Конечно, у них нет никаких причин дружить, но разве они не могли хотя бы попытаться переступить взаимную неприязнь? Ради нас. К тому же прошло уже одиннадцать лет с тех пор, как папа уехал. Как можно так долго обижаться? И, самое главное, намеренно скрывать нас друг от друга.

Всё-таки это ужасно и несправедливо, что мы, родные люди, брат и сестра, должны скрываться и прятаться, как какие-то нарушители. Как старшекласники, которые между уроками бегают в соседний двор курить, чтобы кто-нибудь из учителей не увидел.

— Может, попробуем им рассказать? — предлагаю я. — Вдруг они поймут и не будут ругаться? Столько лет прошло...

— Нет, Жень, рисково. Я бы и сам с удовольствием, но с их колокольни всё это смотрится немного иначе, чем с нашей. Тут нельзя торопиться.

Вопросы:

1. Почему Филипп и Женя скрывают свое знакомство от мам?
2. Как вы думаете, к чему это приведет?
3. Какой совет вы могли бы им дать?

Письмо папе

Мне кажется, что мы с Филиппом должны написать папе. Рассказать, что нашлись, познакомились и подружились. Я думаю, ему интересно, как мы живём, — всё-таки мы его дети.

В следующий раз, когда мы с Филиппом берём кофе навынос и гуляем в парке неподалёку от дома, я озвучиваю эту затею. Говорю, что, по-моему, это странно и даже невежливо — вот так залечь на дно и не подавать признаков жизни. Это же наш папа. Нужно, чтобы он знал, что мы помним и прощаем его. Может, с этого начнётся наше общение? А ещё лучше — подгадать письмо к его дню рождения, двадцать седьмому марта.

Филипп вдруг мрачнеет. Черты лица обостряются, его трудно узнать. Что я такого сказала?

— И что же мы ему напишем? — осведомляется он с холодной усмешкой.

— Ну, расскажем, что мы теперь знакомы, — повторяю я, удивлённая тем, что эта идея ему, похоже, совсем не нравится. — Поздравим, пожелаем успехов. Ну что обычно желают в день рождения? Представляешь, как он обрадуется?!

Филипп качает головой, как будто считает меня маленькой и наивной.

— А он хоть раз поздравил нас с чем-нибудь? С днём рождения, с Новым годом?

Нам обоим прекрасно известно, что не поздравил, но ведь не в этом дело.

— Он не мог, — объясняю я. — Он же не знает, а вдруг нам про него ничего не рассказывали? Он боится.

— Ну да, боится, — хмыкает Филипп.

Кое-чего я совершенно не понимаю: ну как можно быть таким мстительным и злопамятным? Что же нам теперь, возненавидеть его?

— Ну пожалуйста, — прошу я, — это же папа. Я очень хочу написать.

— Ох, Женя, Женя, — вздыхает он так, словно он глубокий старик, а я только-только в школу пошла. — Если бы он хотел, он бы сам нам написал, причём давным-давно. Поводов было достаточно. А если боится — ну что теперь? Значит, он просто трус.

Нет, я не согласна! Мне совершенно ясно, почему он не пишет, только вот Филипп этого никак не поймёт. Вбил себе в голову эту свою обиду, не разубедишь! Да, папа действительно перед нами виноват, этого никто не отрицает, но что же нам теперь, делать вид, что его не существует?

— Ну почему ты вот так сразу отказываешься? — обижаюсь я. — Может, ему стыдно писать?

— Вряд ли, — отсекает Филипп. — Ему не бывает стыдно.

Ничего на него не действует!

— Ну пожалуйста!

— Жень, ну зачем тебе это? Ты очень хочешь ему навязываться? Лично я — нет. Ещё не хватало унижаться перед этим... — Филипп хочет сказать что-то обидное, жёсткое, но косит на меня глазом и не договаривает. — Тебе так без него плохо? А вот ему, представь, без нас хорошо.

— Но ты же этого не знаешь! Ты же с ним не общался! — возражаю я.

Филипп поджимает губы. Тут я права, но он всё равно не желает со мной соглашаться.

— Спасибо, мне в детстве общения хватило. С ним уже тогда всё было понятно.

Я качаю головой, опускаю глаза и какое-то время мы идём по аллее молча. Филипп поддевает ногой упавший сучок и отодвигает с дорожки. Снова начинает вспоминать, как папа забыл его в парке.

— Ну вот, теперь всю жизнь будешь помнить, — говорю я. — Почему ты никак не можешь его простить? Нельзя же всегда злиться!

— А кто сказал, что я на него злюсь? — всё с той же холодной усмешкой интересуется он. — Я не злюсь, просто не хочу с ним общаться.

Я останавливаюсь. От его непрошибаемого упрямства у меня уже слёзы наворачиваются на глаза.

— Ладно, тогда я пойду домой.

— Ну не обижайся, Жень!

Но я обижена! Как тут не обижаться?

— Я же не спорю, что он поступил неправильно. Я уверена, что он уже и сам это понял. Дело тут не в том, как поступил он, а в том, как теперь поступим мы. И я считаю, что мы должны его простить. И написать ему вместе, как брат и сестра. Ну что тут такого?

Вопросы:

1. Почему Филипп отказывается писать отцу?
2. Чья позиция вам ближе — Филиппа или Жени?
3. Как, по-вашему, должны поступить герои?
4. Как вы думаете, какой человек их отец и почему он оставил их обоих?

Ссора с мамой

Однажды мама встречает меня холодно и сердито, руки сложены крестом на груди. Под её тяжёлым взглядом я разубаюсь, снимаю и вешаю куртку. Мама недовольно вздыхает — так, словно я всё делаю вяло и медленно, а мы куда-то торопимся и опаздываем из-за меня.

Ясно: в чём-то я провинилась.

— Что? — спрашиваю я и прохожу в комнату.

— Ну, во-первых, здравствуй.

— Ну привет.

— Ничего рассказать не хочешь? — интересуется она таким учительским тоном. Значит, всё-таки добралась до неё Василиса Никитична.

— О чём, например? — спрашиваю я и натягиваю домашние вязаные сапожки, а у самой сердце стучит так, что я переживаю, как бы мама не услышала.

— Ну ладно, Жень, не паясничай. Тебе следовало сразу же мне обо всём рассказать. Зачем ты обманывала?

— Обманывала? Да в чём дело-то? — не сдаюсь я.

Мама указывает подбородком на столик перед диваном. А на столике — мой дневник.

С минуту я даже не могу заговорить — внутри в одно мгновение начинается буря, всё клоочет, бесится, бушует! Я не понимаю, что происходит, — неужели она вошла в мою комнату, перерыла всё на столе, залезла в ящик, достала дневник из-под старых тетрадей и прочитала? Каждую строчку прочитала? И про Филиппа, и про папу?

— Ты что, читала? — вскрикиваю я, хватаю дневник и прижимаю к груди, словно ещё могу защитить его, сохранить в тайне.

— А какой у меня был выбор? — удивляется мама, словно она ничего такого не сделала. — Ты стала какая-то скрытная, запираешься в комнате, ничего не рассказываешь, только огрызаешься!

— Ну и что?! Это мои личные дела! Личные, понимаешь?!

— Тут ещё Василиса Никитична! Подстерегла меня с утра, стояла, в глазок следила и такое...

— И ты ей, конечно, поверила! — кричу я.

— Нет, я ей не поверила, — возражает мама. — Я сказала, что она путает, потому что моя Женечка ни за что не позволит, чтобы какой-то взрослый парень, как она выразилась, лапал её в подворотне.

Я в ужасе. «Лапал в подворотне»! Я не настолько наивная, чтобы не понимать, на что способна Василиса Никитична, но чтобы так, в таких словах!

— Она врёт! Она всё врёт! Она же сумасшедшая — ты что, не видишь?!

— Тихо. Пожалуйста, давай поговорим спокойно.

— Я не могу с тобой спокойно! Ты ей поверила! Поверила и полезла проверять! Как ты могла вот так взять и прочесть?!

— Я же за тебя испугалась! Я подумала, вдруг этот парень... Женя, я две ночи не спала! Ну мало ли что! Ты же отказываешься со мной говорить! Закроешься там и сидишь!

— Ну, зато теперь ты знаешь, что никакого парня у меня нет! Ну что, ты довольна?

— Женя! Почему ты мне сама сразу всё не рассказала?

— Да потому что ты никогда не поймёшь!

— Ладно, тогда ты мне, пожалуйста, объясни, — говорит мама и усаживается на диван. — Кое-чего я и правда не понимаю. Вот, хоть убей, не понимаю. Я у тебя, значит, кругом плохая, Славу ты презираешь, хотя он к тебе всей душой... — мамин голос надламывается, но она берёт себя в руки и продолжает раздражённо: — А Востриков! Востриков, который в жизни тебе ничего хорошего не сделал, даже позвонить не потрудился, даже подарок на день рождения прислать! Востриков у тебя — царь и бог! Объясни мне, как так получается? Вот как? Ты встань на моё место и скажи — справедливо это, по-твоему, по отношению ко мне?

— Не хочу я тебе ничего объяснять. Я вообще тебя видеть не хочу!

— И фотографию его бережёшь, как драгоценность какую-то!

— Да, потому что он мой отец! Этого ты тоже не понимаешь? Это он тебе — никто, а мне — папа!

— Господи, боже ты мой, да какой он тебе папа?! И Филипп этот... Зачем ты к нему полезла?!

— Он мой брат!

— Бра-ат... — тянет мама с важностью, но я-то чувствую, что на самом деле она надо мной насмехается.

Она качает головой, и я читаю у неё в глазах: «Какая ты маленькая и глупая!»

— Да, брат! — кричу я. — И я буду с ним общаться, хоть ты что сделай! Мне вообще всё равно, что ты скажешь!

— Да, я уже сообразила, что тебе всё равно.

— Сообразила? Ну наконец-то! Молодец!

— Ты его даже не знаешь, брата этого!

— Это ты его не знаешь!

— Не знаю, — соглашается. — Откуда мне его знать, если вы по подворотням от меня прячетесь?

— Да по каким подворотням, мама?!

— Вот привела бы и познакомила! Тебе не кажется, что я должна быть в курсе таких вещей? А вдруг он такой же, как папаша, а? Что тогда? И мне неприятно, что ты с ним где-то ходишь, с малознакомым парнем. Ему же пятнадцать лет! Мало ли чему он тебя научит? Да ещё и обманываешь меня! Зачем ты говоришь, что была у Женьки, когда вы с ней, оказывается, уже давно в ссоре!

Снова как хлыстом по коже — она каждое слово прочитала, каждое слово. Я кричу сквозь слёзы:

— Ну в ссоре! Тебе-то что? А ты со своим Славкой?! Носишься за ним, как эта! Смотрите, какая я вся из себя вегетарианка! Бесит меня всё это!

— Женя, ну что ты такое говоришь? Как ты не понимаешь...

— Это я не понимаю? Вообще супер! Я-то как раз всё отлично понимаю! Ты то с одним, то с другим, строишь из себя не пойми кого, а мне с родным братом встретиться нельзя?

Мама смотрит на меня в ужасе. Потому что я права. Она думает, что я маленькая, ничего не знаю, дальше собственного носа не вижу, но я уже давным-давно всё прекрасно вижу, все эти её «быстрые свидания». Иногда даже слишком быстрые.

— Женя...

— Ну что — Женя?! Как ты меня бесишь!

Всё, я не могу больше здесь находиться, не могу на неё смотреть. Как они умудряются всё смешать с грязью, а сами-то, сами! Я хватаю куртку и бегу вниз по лестнице, потому что лифта дожидаться слишком долго.

— Женя! Вернись сейчас же, слышишь?!

Но она меня не догонит. Пусть сидит со своей Василисой Никитичной, которая сто процентов смотрит сейчас в глазок и радуется.

Я несусь к метро, прижимая к себе дневник, и на ходу набираю Филиппа. Больше мне пойти некуда.

Задание: Прочитайте эту сцену по ролям, чтобы лучше разобраться в конфликте.

Женя (раздражённо): Что?

Мама: Ну, во-первых, здравствуй.

Женя: Ну привет.

Мама: Ничего рассказать не хочешь?

Женя: О чём, например?

Мама: Ну ладно, Женя, не паясничай. Тебе следовало сразу же мне обо всём рассказать. Зачем ты обманывала?

Женя: Обманывала? Да в чём дело-то?

Мама указывает подбородком на столик перед диваном. А на столике — Женин дневник.

Женя (вскрикивает): Ты что, читала?

Мама: А какой у меня был выбор? Ты стала какая-то скрытная, запираешься в комнате, ничего не рассказываешь, только огрызаешься!

Женя: Ну и что?! Это мои личные дела! Личные, понимаешь?!

Мама: Тут ещё Василиса Никитична! Подстерегла меня с утра, стояла, в глазок следила и такое...

Женя: И ты ей, конечно, поверила!

Мама: Нет, я ей не поверила. Я сказала, что она путает, потому что моя Женечка ни за что не позволит, чтобы какой-то взрослый парень, как она выразилась, лапал её в подворотне.

Женя: Она врёт! Она всё врёт! Она же сумасшедшая — ты что, не видишь?!

Мама: Тихо. Пожалуйста, давай поговорим спокойно.

Женя: Я не могу с тобой спокойно! Ты ей поверила! Поверила и полезла проверять! Как ты могла вот так взять и прочитать?!

Мама: Я же за тебя испугалась! Я подумала, вдруг этот парень... Женя, я две ночи не спала! Ну мало ли что! Ты же отказываешься со мной говорить! Закроешься там и сидишь!

Женя: Ну, зато теперь ты знаешь, что никакого парня у меня нет! Ну что, ты довольна?

Мама: Женя! Почему ты мне сама сразу всё не рассказала?

Женя: Да потому что ты никогда не поймёшь!

Мама: Ладно, тогда ты мне, пожалуйста, объясни. Кое-чего я и правда не понимаю. Вот, хоть убей, не понимаю. Я у тебя, значит, кругом плохая, Славу ты презираешь, хотя он к тебе всей душой... А Востриков! Востриков, который в жизни тебе ничего хорошего не сделал, даже позвонить не потрудился, даже

подарок на день рождения прислать! Востриков у тебя — царь и бог! Объясни мне, как так получается? Вот как? Ты встань на моё место и скажи — справедливо это, по-твоему, по отношению ко мне?

Женя: Не хочу я тебе ничего объяснять. Я вообще тебя видеть не хочу!

Мама: И фотографию его бережёшь, как драгоценность какую-то!

Женя: Да, потому что он мой отец! Этого ты тоже не понимаешь? Это он тебе — никто, а мне — папа!

Мама: Господи, боже ты мой, да какой он тебе папа?! И Филипп этот... Зачем ты к нему полезла?!

Женя: Он мой брат!

Мама (с насмешливой важностью): Бра-ат...

Женя: Да, брат! И я буду с ним общаться, хоть ты что сделай! Мне вообще всё равно, что ты скажешь!

Мама: Да, я уже сообразила, что тебе всё равно.

Женя: Сообразила? Ну наконец-то! Молодец!

Мама: Ты его даже не знаешь, брата этого!

Женя: Это ты его не знаешь!

Мама: Не знаю. Откуда мне его знать, если вы по подворотням от меня прячетесь?

Женя: Да по каким подворотням, мама?!

Мама: Вот привела бы и познакомила! Тебе не кажется, что я должна быть в курсе таких вещей? А вдруг он такой же, как папаша, а? Что тогда? И мне неприятно, что ты с ним где-то ходишь, с малознакомым парнем. Ему же пятнадцать лет! Мало ли чему он тебя научит? Да ещё и обманываешь меня! Зачем ты говоришь, что была у Женьки, когда вы с ней, оказывается, уже давно в ссоре!

Женя: Ну в ссоре! Тебе-то что? А ты со своим Славкой?! Носишься за ним, как эта! Смотрите, какая я вся из себя вегетарианка! Бесит меня всё это!

Мама: Женя, ну что ты такое говоришь? Как ты не понимаешь...

Женя: Это я не понимаю? Вообще супер! Я-то как раз всё отлично понимаю! Ты то с одним, то с другим, строишь из себя не пойми кого, а мне с родным братом встретиться нельзя?

Мама (растерянно): Женя...

Женя: Ну что — Женя?! Как ты меня бесишь!

Женя убегает из дома.

Мама: Женя! Вернись сейчас же, слышишь?!

Вопросы:

1. Из-за чего возникает ссора?
2. В чем права и не права мама Жени?
3. А сама Женя?
4. Каким образом каждая из них могла предотвратить ссору?
5. Знакома ли вам такая ситуация?

Дополнительный вопрос:

Мама Жени говорит: «Трудно быть по-настоящему хорошим старшим братом, хорошим отцом, хорошей мамой... Уж я-то знаю, этому нужно учиться — каждый день». Согласны ли вы с этим высказыванием? Что можно делать для того, чтобы быть хорошим братом, сестрой, отцом, мамой, дочерью, сыном?